

«У нас воров нет, короновать некому»

Сиделец о доступных наркотиках и блатных раскладах в российской колонии

Фото: Владимир Смирнов / Russian Look / Globallookpress.com

Взять интервью у человека, отбывающего наказание в местах лишения свободы, — задача непростая. Конечно, разрешение на это можно получить в Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН), но там по понятным причинам всегда стараются выставить жизнь заключенных в максимально позитивном свете. Официально никто не расскажет о темных сторонах жизни за высоким забором и о том, каково это — жить по тюремным понятиям и добывать запрещенные вещи «с воли». «Ленте.ру» удалось на условиях анонимности пообщаться с заключенным, в настоящее время отбывающим срок в исправительной колонии строгого режима, и узнать, с чем ему пришлось столкнуться на зоне.

Авторские изложение и лексика в тексте сохранены — все заявления нашего анонимного собеседника приведены без купюр. Так как текст изложен характерным арго, в скобках приведены пояснения.

«Надо понимать суть»

— Я отбываю наказание в исправительной колонии строгого режима по 228-й [статья УК РФ «Незаконный оборот наркотиков»]. Поднялся [попал] в лагерь в 2015 году. Выхожу в 2020 году. Если сравнивать следственный изолятор и зону, то они

несравнимы. На СИЗО нет ограничения по передачам, сокамерники интереснее, ну и в целом поуютнее. Сидеть в СИЗО затратнее, однако возможностей больше. Потом я недолго сидел на черном [*черный — контролируемый криминальными элементами, красный — контролируемый сотрудниками правоохранительных органов*] центральной [тюрьме] и приехал в режимный лагерь.

Фото: Кузярин Анатолий / ТАСС

Сортировка древесины в зоне строгого режима

Как вас встретили в колонии?

— Сокамерники встретили хорошо, несмотря на непорядочность статьи [*к осужденным за наркотики в местах лишения свободы отношение негативное, хоть и не настолько, как к педофилам или насильникам*]. Судят не по мусорской бумаге. Я рассказал, что да — употреблял, но барыжить [*торговать*] и в мыслях не было. Позвонили на район, где я жил, уточнили это у смотряги [*смотрящий — местный уголовный авторитет, уполномоченный решать криминальные вопросы*], мои слова подтвердились, и больше ко мне вопросов не было.

О нормах поведения довел смотряга. Объяснял понятно. То, что не понимал, объяснял на примере. Говорил, что надо понимать суть, а не заучивать шаблонные фразы, как на малолетке [*колония для несовершеннолетних заключенных*].

Что удивило больше всего?

— Удивило отношение. От меня ничего не просили, мне не угрожали, слушали с уважением и внимательно. Я представлял зону по-другому — и, наверное, зря. В понятиях нет ничего, что противоречило бы здравому смыслу и справедливости. Да,

много заморочек на гигиене. Да, честь приоритетна. Но в целом понятия, когда их преподносят правильно, не должны удивить обычного человека.

«Лагерь держат мусора»

— У нас режимный лагерь, держат *[контролируют]* его мусора. Воры *[здесь — криминальные авторитеты]* нас не греют *[не помогают]*, на черное *[авторитетам]* с игры *[в карты]* не уделяется *[по принятым в большинстве мест лишения свободы понятиям, часть выигрыша от игры в карты обязательно отдается авторитетам; зона, где находится собеседник «Ленты.ру», не черная, то есть не контролируемая криминальными элементами]*. Мы стараемся не провоцировать мусоров и соответствовать людскому *[негласным тюремным законам]*.

Фото: Александр Кряжев / РИА Новости

Как ведет себя администрация?

— Оперчасть — по большинству голимые провокаторы. Работают по доносам сучек *[информаторов]*, ищут связь *[все, что прошло мимо контроля]*, игровых особо не крепят *[лояльно относятся к играющим в самодельные карты]*. Нынешний начальник отряда — неплохой мужик, прежний начальник вообще был моим ровесником и было по кайфу. Паряются только когда приезжают управские *[проверяющие из регионального управления ФСИН]* или московские комиссии. Остальное время — терпимо. Актива *[добровольных помощников администрации из осужденных]* как такового нет. Есть бугры *[бригадиры]* и завхозы. Место свое знают, иные больше пользы приносят, чем мужики *[осужденные, не входившие ни в какие группировки на воле и не имеющие опыта общения с криминалитетом]*.

Есть ли какие-то производства в колонии?

— Сам я не работаю, но вообще промка [промышленная зона] у нас мертвая, основные доходы — от ***** [ворованного] леса. За два года появилось два новых производства — насколько мне известно, убыточных. То, что продают на волю, не маркируют никак [не ставят клеймо «сделано в колонии»]. Единственное, на мыльно-рыльных наборах [комплектах туалетных принадлежностей] указана зона-изготовитель, но они для внутреннего пользования. Их выдают раз в месяц. Еще обеспечивают одеждой плохого качества, вплоть до трусов и носков, постельным бельем.

«Чтобы близких не досматривал гинеколог»

— У нас можно многое достать из-под полы. Просто связь [телефон] стоит от трех до пяти тысяч рублей. Зарядка отдельно, естественно. На телефоны на базе Android сейчас потолок 10 тысяч рублей, раньше был 15 тысяч рублей. iPhone у нас нет. Наркотики стоят раз в шесть дороже, чем на воле.

Про дорогу [способы передачи запрещенных вещей] рассказывать неправильно, расскажу как нельзя. Конкретно у нас не стоит тянуть [проносить] запреты [запрещенные вещи] через свиданку [свидания с близкими]. Это — чтоб близких не досматривали на гинекологическом кресле.

Фото: Сергей Ермохин / РИА Новости

Еще запреты у нас не посылают через передачи. Иначе их будут проверять, и адресаты получают фарш вместо сигарет и других продуктов. Суть в том, что и на то, и на другое мусора имеют право. Но не делают. А мы так не тянем. [При однократном выявлении запрещенных предметов в передаче сотрудники колонии начинают тщательную и умышленно неаккуратную проверку всех поступающих посылок — вплоть до извлечения консервов из банок и разматывания рулонов туалетной бумаги. После

таких досмотров, которые абсолютно законны, предметы становятся непригодными к использованию].

Говорят, что в колониях заключенные сбиваются по этническому признаку, а потом такие группировки сталкиваются друг с другом. Так ли это?

— Это чаще слышно от мусоров, чем происходит на самом деле. Мусульман немало [у меня в бараке около 15 процентов, в других — до тридцати], но свое они не навязывают. Кстати, за положением [соблюдением негласных тюремных понятий] следит тоже мусульманин. Который агитировал зеков скидываться на ремонт церкви.

Сталкивались ли вы с такими вещами, как «коронавание» в вору по Skype из-за решетки?

— Про коронацию ничего не расскажу — у нас воров нет, короновать некому. Еще слухи ходят про «распетушение» по Skype [нетух, обиженный — пассивный гомосексуалист, низшая каста среди заключенных; соответственно, «распетушение» — восстановление в правах], но это чушь с малолетки. Если определили в обиженку, человек так и живет всю дорогу [всю жизнь].

Фото: Антон Денисов / РИА Новости

Есть ли среди заключенных телефонные мошенники?

— Есть мошенка [телефонное мошенничество], правда, делают это немногие. Разводят [обманывают] барыг [торговцев наркотиками], потрошат QIWI-кошельки. Некоторые занимаются разводом гарема заочниц [женщин, вступающих с незнакомыми заключенными в переписку], но это не особо приветствуется. Все это происходит у нас, в колонии строгого режима. В колониях общего режима популярна другая тема — СМС типа «мамапомогинадоденег» [мошенническая схема, когда

злоумышленник посылает сообщение якобы от лица близкого человека с просьбой срочно переслать денег на телефон]. Но на нее уже год как стоит запрет от старших братьев [оперативников регионального управления ФСБ]. Они следят за всем, что творится в колонии — и из-за этого во многом тут спокойно.

***

Это короткое интервью с заключенным позволяет сделать несколько любопытных выводов. Во-первых, сегодня за решеткой можно достать все, что угодно, — были бы деньги. Во-вторых, жизнь на зоне строится на негласных правилах и договоренностях, сколько бы сотрудники ФСИН не утверждали обратное. Именно поэтому заключенные не используют свидания с близкими для проноса запрещенных вещей, а тюремщики не отправляют посетителей на досмотр к гинекологу. Наконец, расхожее утверждение о том, что в колониях лютуют некие этнические или религиозные сообщества — не более чем миф, искусственно культивируемый в сомнительных целях. Поэтому судить о том, что творится в местах лишения свободы, лишь по отчетам ФСИН или «страшилкам» правозащитников — дело неблагодарное.

Владимир Шарапов, 01.12.2017г.

<https://lenta.ru/articles/2017/12/01/arestant/>